

САВРАН А. В.

**САМОЙ КОРОТКОЙ ДОРОГОЙ
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИСА
ПО КЛИЧКЕ НАРВАС**

Анатолий Савран

**Самой короткой дорогой
или приключения
лиса по кличке Нарвас**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Савран А. В.

Самой короткой дорогой или приключения лиса по кличке Нарвас
/ А. В. Савран — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Фэнтези и философия: путь к успеху, способы мыслить, изменять свою жизнь самому, независимо от обстоятельств. Книга Анатолия Саврана «Самой короткой дорогой».

Содержание

Глава 1. Предыстория	5
Зоопарк	7
Зови и вслушивайся	12
Наши враги – наши проводники	16
Глава 2. Охота «рыжей бестии»	19
Время охоты	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1. Предыстория

Дом, что на краю села Щербатое, пользовался у односельчан дурною славой. Тёмные дела творились в его стенах, а хозяйка его Маланья считалась коронованной ведьмой. Её и боялись, и к ней же шли с поклоном за всяческим нечистым делом.

Свою колдовскую деятельность Маланья начала с полвека назад, когда была ещё подростком. Магическая сила в их роду передавалась по наследству уже несколько поколений. Как и все колдуньи, носила она двойное имя, настоящим было Евдокия. Дуняшей звали её в узком семейном кругу, а также те, кто был особенно близок с ней. Маланьей же она была для всего остального люда.

И вот как-то раз обратилась к ней соседка с просьбой извести со свету ненавистный ей род со стороны невестки её сына. Всё ей казалось, что молодая чета жила лучше бы, если б не наущения этой родственной ей стороны.

– Проси чего хошь, Маланьюшка, – начала свою просьбу Прасковья, – но дело своё сделай. Отблагодарю и не как-нибудь, а как скажешь. Тут не сумлевайся. Пусть сгинут они во мраке преисподнем.

– Да что ж так они насолили тебе, Параша?

– Ты делай то, что я тебе велю, а про всё остальное тебе знать не должно. Главное, чтоб Кирюша мой, как образ на стенке, для Настасии его в почитании был, чтоб одного его величала и за отца, и за мать, и за мужа кровного.

– От греха не видать и счастья верха. Так что ли? А счастье с верхом, так и дом верх дном... Ну, что ж, Параша, так тому и быть. Только знай, что малую толику беды той и ты поделаешь с ними. Упадут на твою голову испытания, и испытания те ты должна преодолеть. Преодолеешь, если условия все мои выполнишь. Согласна ли?

– Ради сыночка своего всё стерплю.

– Тогда вот что! На окраине села, возле посадки, есть заброшенный стог сена. Там живёт семейство лис. Пойдёшь с сыном в полную луну с рогачом, удавкой и пустым мешком. На его вопрос «Зачем?» скажи «Так надо», мол, лисы кур из курятника крадут по ночам. Вот такое будет ему объяснение. Выловите тех лис удавкой, положите их в мешок, его домой отправишь, а сама мешок тот с лисами мне принесёшь. Наутро же, на восходе солнца, будь у дома моего. Пустую кастрюлю с собой прихвати.

– Зачем?

– В кастрюлю ту бульон тебе налью, который я сварю с лисьих потрохов, да крем на лисьем жиру с ворсяным их покровом в баночке тебе дам. Перед тем, как кремом тем пользоваться, надень резиновые перчатки, намажешь им одежду родственной тебе стороны, а сыну дашь бульон. Да чтобы съел до захода солнца наступающего дня. А ещё следи за тем, чтобы крем тот не попал на твою кожу!!! Резиновые перчатки выбросишь в отхожее место, а косточки, которые от бульона этого останутся, не выбрасывай!

– Почему?

– Лисы должны думать, что всё ещё живут.

Сложи кости те в кастрюлю, где бульон находился, затем отнеси в посадку, вырой ямку в земле и положи ту кастрюльку с костями в землю и там зарой их. Трижды прокрутись на том месте вокруг себя, поплрой трижды в сторону и произнеси: «Я в мешок вас не сажала.

Лапы я вам не вязала. И бульон с вас не варила. То Маланья угостила».

Если не зароешь их, то они, лисы эти, по твою душу придут и вочеловечатся. И упаси тебя боже тревожить прах этот!!! Всякому, кто эти кости разроет, – не поздоровится.

– Это как – «вочеловечатся»?

– Лучше тебе не знать. Всё поняла?

– Всё поняла, Маланьюшка. Сделаю всё так, как ты велишь.

– Про сказ мой никому ни слова.

Как сказано было, так всё и свершилось. После полуночи Прасковья принесла мешок со связанными лисами. Маланья тут же их взяла и ушла в долину Узкого Ручья к каменной гряде Каменного Коридора. В ту ночь в одной из пещер, местонахождение которой держалось в строжайшем секрете, при мигающих бликах свечей творилось таинство.

Если бы у читателя была возможность заглянуть в ту пещеру, то первое, что он увидел бы, был объёмных размеров казан, в котором на медленном огне варилось что-то. На длинных жердях, воткнутых в каменные расщелины вдоль стен пещеры, были черепа животных и птиц. Жерди эти имели форму крестовины, и на крестовинах тех накинута была одежда, набитые изнутри соломой. Формой своей они напоминали человеческие тела. Ведьма бормотала что-то несуразное над этим казаном, время от времени обращаясь к какому-либо из чучел, и называла каждое из них особым причудливым именем. А в это время из расщелины земной коры поднимался жёлтый туман в вихреобразном потоке. Только к утру она явилась в свой дом...

...Вскоре при таинственных обстоятельствах Настасьино семейство вымерло без всяких видимых причин. Но и сама Прасковья занедужила и стала хворать непонятною болезнью. Врачи только разводили плечами. Хворала, хворала да в конце концов померла: видно, не до конца выполнила Маланьину инструкцию. Союз Настасьи и Кирьяна будто скручен был колючей проволокой: и разойтись сил не было, и жить по-людски тоже не получалось.

С тех пор прошло тридцать лет. У Маланьи подросли дети. Два её взрослых сына не унаследовали от неё тех дарований, которыми она обладала сама. Зато, женившись, дали ей внучат. Но она отчего-то никак не могла забыть историю о семействе лис, а также о той мученической смерти, которую они приняли от её рук.

Зоопарк

Старый лис Файзы проснулся, как всегда, в предрассветный час. Стебелёк клевера, откнувшись в ноздрю, не давал ему больше спать. Он понюхал воздух: где-то должна быть пища. Мыши-полёвки – это излюбленное лакомство Файзы в эти утренние летние часы. Зевнув, он стал выбираться из норы, и тут только сердце ему подсказало, что он теперь не на своём любимом поле за селом в заброшенном стогу сена. И то, откуда он вылезал, была вовсе не нора, а кое-как сколоченная будка, в которой, тем не менее, было вполне уютно. Он оказался в том месте, которое люди называют «вольер». Это странное слово отождествлялось у него с металлической сеткой, через которую никак нельзя было пройти. Но внутри этой сетки, на площадке, где он находился, было сухо и тепло. Всё это было очень странно. И почему-то, вдобавок ко всему, сильно болела голова будто от сильного ушиба. Откуда была эта боль, он никак не мог сообразить. Ведь он нигде не ударился! Всё это он пытался вспомнить, но... пока безуспешно.

Пищу приносил человек очень высокого роста с короткими смешными усами. У него была форма цвета маскхалата, как и у охотников во время их промысла. Но этот человек не охотился. Он сетку охранял и всё ходил по узкому коридорчику взад-вперёд, заглядывая каждый раз на площадку, которая теперь была жилищем Файзы.

Заканчивалась четвёртая неделя его проживания в вольере. Теперь он видел много людей. Они ходили то толпами, то небольшими парами по широкой аллее и глазели по сторонам. На них была чистая, праздничная одежда. Первое время он всё прятался в свою будку, ожидая от них какой-нибудь гадости, однако, против ожидания, лица их были доброжелательны и почему-то немного удивлены. Ходили они чаще всего со своими детьми, и те держали в руках надувные шарики, которые всё время норовили улететь вверх. И цвета они были совершенно разного.

Никогда прежде он не видел столько людей. Те люди, на которых он смотрел издали на колхозных полях, одеты были в грязные фуфайки и драные штаны. К ним он испытывал, если можно так выразиться, больше доверия, во всяком случае, он знал, чего от них ожидать. Конечно же, он всегда их избегал, не ожидая от них ничего хорошего. Но эти прилично одетые люди почему-то расположены были к нему миролюбиво и всякий раз норовили кинуть ему корочку хлеба в надежде на то, что он хотя бы подойдет к ней и понюхает её. Это было для него крайне подозрительно. Старый лис чувствовал обман, если не сказать больше, – угрозу своему существованию.

На сетке висела табличка. Люди смотрели на неё и чуть ли не по слогам читали слово «Нарвас». Чуждое слово, незнакомое. Что оно обозначало, никто не знал, потому и читалось, должно быть, с трудом. Поначалу старый мудрый лис думал, что это так зовут табличку – «Нарвас». Он всё недоумевал, почему люди уделяли так много внимания этой серой невзрачной табличке. Это тоже было очень подозрительно. Они смотрели на неё так, как он совсем ещё недавно смотрел на курятник в ожидании того, что оттуда выскочит какая-нибудь очередная хохлатка. Но когда человек, охраняющий сетку, приносил пищу в алюминиевой кастрюльке, то, просовывая её в небольшое отверстие в вольере, обычно говорил лису: «Бери, Нарвас, ешь! Это вкусно». Это значило, что люди «посадили» его в эту «табличку» всем напоказ, что так теперь звали его, лиса.

«И поделом мне, старому дураку, – думалось ему. – Заезавшийся петух! Табличка и он, лис, отныне одно понятие. Это позор!!! Распят, как та табличка на сетке».

То, что находилось в миске, действительно было вкусно, непривычно вкусно, но он так соскучился по небольшим мышкам-полёвкам, он так скучал по ним и вообще по всей своей

прежней жизни, что временами по ночам тихо скулил, уткнувшись носом в соломенную подстилку. Ему негде даже было побегать и размять свои кости!

Солому приносили регулярно раз в неделю. За это он был благодарен человеку, охраняющему сетку. Это его руки выстилали ему днище будки и убирали старый свалывшийся слой. Солома напоминала ему его родной дом. Но разве он должен быть благодарен охраннику за собственное заточение? Здесь было что-то неправильное, уродливое в понимании слова «благодарность». Охранник, словно чувствуя его настроение, говорил ему: «Ничего, старина, не поделаешь! Мы теперь с тобой на работе. Мне за твоё присутствие деньги платят, да и ты, как видишь, ухоженный теперь и сытый. Вареной курочкой, вишь, пригощаю. Ты теперь здесь достопримечательность!»

«...Ухоженный и сытый... Теперь... Ухоженный теперь и сытый...» Как будто раньше было по-другому. Откуда им знать, как было у него раньше? Если не так, как у них, людей, не по их правилам, значит, уже «никак».

Такова, оказывается, была цена за свободу: жить по правилам людей. По вечерам, когда его никто не тревожил, он ноздрями тянул в себя запах сена. И тогда перед ним всплывали картины его безмятежной жизни. И вспоминалось ему вот что.

«...Чик, малыш, ну кто так подкрадывается к фазану? Надо подходить к нему со стороны ветра, чтобы он запах не учуял. Нет, конечно, я понимаю: есть готовое мясо гораздо приятней, чем его добывать, но разве ты не боишься стать чьей-либо добычей?»

Чик, годовалый лисёнок, наклонив голову, пытался осмыслить слова своего отца, но возраст брал своё, и, не вникая более в мудрые речи, продолжал гоняться за добычей, словно играл с нею в догонялки.

Кичи, мать детёныша, выслушивая замечание Файзы, только качала головой: «Малышу свой срок по жизни нести, мал он ещё твои мудрёные речи понимать. Но разве ты сам не боишься стать чьей-либо добычей? Не кончатся добром твои похождения в ближайший курятник дома на краю села. Уже несколько раз я видела на поле нескольких озлобленных мужиков с вилами в руках. Не ровен час, найдут наше прибежище, и тогда пиши – пропало!»

А сама подумала: «Что-то надо предпринимать, да, что-то надо делать... Сам-то, сам про фазана Чике толкует, так чего ж самому-то не попробовать себя в этом занятии? Но нет, конечно, нет! Время Файзы уже прошло: старый стал, отбегал он уже своё за фазаном, а Чик – несмышлёныш ещё, охотник с него никудышный. Сама б за фазаном побегала, да в прошлом году лапой на сучок напоролась, и с тех пор нет той былой прыти, которая была когда-то. Ох, не кончится всё это добром, не кончится!»

Файзы и сам понимал тревогу Кичи, но как хозяин создавшегося положения не мог позволить своей семье помереть с голоду и потому продолжал кормить её курятиной из дома, что на краю села. Его почему-то притягивал этот дом, ощущение было такое, что его с ним что-то связывало. А вот только что? Вместе со своим семейством он пришел в эти алтайские степи с альпийский лугов полгода назад. Будто магнитом тянуло его сюда. И какой такой магнит?! Всё это было для него загадкой.

«Да какая такая загадка! – думал он. – Просто дом, который ближе всего к посадке.»

Утро на пятую неделю его пребывания в вольере не предвещало ничего хорошего. Неясная тревога охватила весь зверинец. Бурый медведь, сосед «по камере», как-то по-страшному зарычал. И тут началось. Какофония разнообразных звуков – от львиного рыка до крика павлина – взбудоражила и без того мрачное состояние Нарваса. Никогда прежде за время нахождения здесь ему не доводилось слышать ничего подобного. Значит, он тут не один. Куда он попал? Звуки, звуки... Они говорили о многом: боль, отчаяние, страх, ярость. Хуже всего то, что он не мог видеть тех, кого слышал. И потому он тоже выразил своё состояние так, как это делал в далёкой молодости, когда искал встречи с Кичи – длительным завыванием, переходящим в лай. Однако если раньше это был зов плоти, то сейчас в своём лающем вое он

ощутил ужас положения, который преследовал его уже пятую неделю. Так долго не могло продолжаться. Ведь он ничего не знал о Кичи и Чике. Где они, что с ними? Хорошо, если живы. Может быть, они здесь, в одной из этих перегоронок? Он позвал снова, но никто не отозвался, и только дикий кабан не по-хорошему взвыл от явно причинённой ему кем-то боли. Оставаясь Файзы-Нарвасом, он, будучи в раздвоенном состоянии, смог бы только уничтожить себя, поддавшись неутешительным стенаниям с мыслью о том, что не смог вовремя спасти семью свою от неминуемой гибели. Но, с другой стороны, приобретя своё новое стратегическое имя, он стал воспринимать своё бедствие как исключительный случай и к случаю этому отнёсся с большим вниманием. А потому стал разрабатывать план выхода из заточения и припомнил, как совсем ещё недавно обучал Чика стратегии выигрывать.

«...Чик, малыш, запомни! Лис отличается умом во всех случаях своей жизни. У лиса мало сил, чтобы удрать, лис не может одолеть оленя в голодную пору – зубы слабые, но он может условия, которые работают против него, выставить как орудие собственной силы.

– Как? – удивился Чик.

– Очень просто! Ты убегаешь от того, кто преследует тебя.

– Ну, убегаю, и что? Это всё?

– Ты не понял: убегаешь самой короткой дорогой. Это действительно всё. В этом твоя стратегия. Ты меньше другого зверя, в том числе и человека, и потому используешь это как свой козырь в чужой игре. Нужно создать провокацию. Это неизбежно, потому что игра тебе навязана. Бежишь куда?

– В посадку.

– Правильно, в посадку. Так короче и не только. Когда охотник притесняет тебя, то выбирай труднопроходимые места для него. По-другому это звучит так: напор соперника, угнетающий тебя, ты переносишь на помехи, затрудняющие его движения. Это святое правило, и в нём для тебя большое преимущество. А это значит, что не просто в посадку бежишь, а в самую что ни есть чащобу, в непролазный кустарник и, желательно, колючий или же под каменные завалы. Под колючками так же, как и под камнями, ты пролезешь, а вот тот, кто рискнёт вслед за тобой повторить твой же номер, останется в дураках. Он весь поранится. Это и значит, что азарт охотника ты выставляешь как преимущество собственной силы. Полеми бежит только заяц, потому что он признанный спринтер, но к лису, повторяю, это не относится. Лис всегда должен учитывать чужие недоработки, чтобы сделать их своими достоинствами. Потому что слаб, повторяю, своими лапами. На то он и лис, что вместо лап работает головой! Лис всегда провокатор...»

«...Эх, дурья моя башка! Не уберёт! Учил сына обходить капканы, а сейчас сам курам на смех попался в западню. Ну, что же? Кличка «Нарвас», говорите?! Хорошо! На то она и кличка, что висит табличкой на этой сетке, а это указатель к выходу... Указа-а-атель!!! А сетка? Сетка – это временное препятствие. Ведь препятствие? Именно! А потому и препятствие, что временное. Ведь охраняется же! Да, именно потому, что охраняется. А потому к выходу, выходу... Имя своё ведь только я знаю!»

Человек, охраняющий сетку, подошёл к Нарвасу очень близко. Он решил, что теперь это можно.

– Я всё про тебя знаю. Знаю, как доставили в этот зоопарк, знаю кто, и знаю, что случилось с твоим семейством.

Нарвас лежал возле будки на соломенной подстилке, уткнув морду в лапы. Что бы сейчас этот человек ни говорил, нужно оставаться безучастным к его словам. Он не зря здесь появился, он хочет увидеть реакцию Нарваса, но такой радости Нарвас ему не предоставит. Он не пойдёт на его условия. Однако последние слова заделали его за живое: «Он что-то знает о Кичи и Чике. Может, это действительно правда, он что-то знает?» Он даже не сразу понял, что услышал мысли Человека. А ведь он слышал их и тогда, когда этот же человек ему что-то

говорил о том, что теперь он ухоженный и сытый. Но разве возможно слышать чужие мысли?! Нарвас приподнял голову и посмотрел на человека в защитном комбинезоне расцветки маск-халата.

– Да, знаю! – повторил он. – Сучку и щенка убили мужики из того дома, откуда ты таскал курей из курятника. А тебя, как особо ценный фрукт, решили не убивать, а продать нам в зоопарк. Они сказали: «Пусть поживёт в нашей шкуре». Зачем я тебе это говорю? А затем, чтобы ты перестал понапрасну носом шмыгать в надежде унюхать их запах. Их здесь нет, и тебе придётся остаться здесь до конца собственных дней. Вот так-то!

Он сделал жест, которого ему не следовало бы делать: он хотел потрепать его загривок, но в то же мгновение острые зубки Файзы впились ему в ладонь.

– Ёп-п... – только и успел он выкрикнуть, и кто знает, какое слово он хотел произнести. Тотчас же с его ладони брызнула тёмно-алая жидкость. Зажав рану другой рукой, он злобно посмотрел на Нарваса. – Ах ты, маленькая тварь! И это за то, что я тебе вареную курятину носил? Ну, подожди! Посидишь ты у меня на одной воде! – сказав это, он убежал перевязывать свою руку, забыв запереть за собой клетку.

«Это ложь, враньё, это самое настоящее враньё, – подумал лис. – Не могут быть они убиты! Он всего лишь охранник. Откуда ему знать, из какого двора я таскал курей? А может, правда? Может, действительно Кичи и Чик убиты? Нет, не верю! Врёт он, если он охранник. Ведь ему нужен порядок, и сетка тому в подтверждение. Они здесь, они должны быть здесь!» И он снова их позвал протяжным воем.

И... о, чудо! Ему ответил такой же протяжный, особый, тонкий, «конспиративный» вой, которому он когда-то учил Чика.

«Они живы, живы! – сердце Нарваса учащённо забилося. – Скорей туда, тем более что дверь открыта. Вот и думай теперь, когда кусать кого-то, а когда нет. Никогда не предугадаешь, что будет в следующую минуту. Но... куда же я стремлюсь? Предположим – они там, но ведь там тоже клетка! Я из одной клетки бегу в другую! Да добежать бы!!! А там... там я вытащу их непременно. Скорей, скорей туда! И... будь что будет!»

Бурый медведь не на шутку разбушевался. Он гнул железные прутья клетки и колотил стены что есть силы, однако стальная конструкция чудом держала натиск. Рёв, который он поднял, всполошил весь зверинец, и каждый неистовствовал в своей клетке как только мог. На усмирение этого всеобщего гвалта был поднят весь персонал зоопарка. Но именно это всеобщее возбуждение позволило Нарвасу добежать беспрепятственно до обозначенного им вольера, хотя время от времени он всё-таки прятался за какой-нибудь тумбой. Да, так и есть: в клетке был Чик. Жив! Но где же Кичи? Вопросы... вопросы... всё это потом. Как теперь вытащить Чика оттуда? Чик крутился волчком на площадке вольера от радости и от страха за Файзы. Нарвас же усиленно соображал, как же вытащить лисенка невредимым из клетки: «Дверца, куда подают похлёбку. Вот она. И запирается на обычный засов».

Взяв зубами засов, он что есть силы потянул его на себя. Тот после значительных усилий всё же поддался. Дверца распахнулась. Но окошко слишком маленькое даже для годовалого щенка.

– Ну же, Чик, как я учил тебя! Прижмись брюхом к земле и вытянись в ящерицу! Ты можешь! Давай! Ползи!

Чик как только мог, вытянулся в узкую ленту и прошмыгнул в это отверстие, оставив всё же по краям его ворох шерсти. Теперь же нужно было уходить скорей от клетки.

Сгустившаяся темнота помогла им спрятаться под вагончиками клеток. Гвалт малопомалу успокоился, но зато поднялся переполох среди персонала, который обнаружил пропажу лис.

– Этот Нарвас – хитрая, коварная бестия, – не унимался человек, носивший маскхалат. – Он не только хитрая бестия, но и зверюга, каких поискать надо. Смотрите, как он цапнул меня за руку! – рассказывал он неизвестно кому.

– Ты, Федя, ругаешь его или хвалишь? – ответил ему другой голос, скрипучий и очень неприятный. – Чёй-то я никак не пойму. Ты прям оду ему сочинил! Похвалил по всем статьям. А я скажу, что он мало тебя, как ты выражаешься, «цапнул». Я, как это ни покажется тебе странным, тоже его хвалю. Одна только досада осталась: надо было ему полруки тебе отхватить за твою халатность, что дверь оставил открытой. Так мало того, что сам ушёл, он ещё и щенка своего увёл! Действительно умён чертяка! Вот где мне сейчас их искать? Ты мне скажешь?

– Наверняка они где-то здесь, под вагончиками. Им забор не даст никуда уйти.

– Твои слова да богу в уши. Если они уйдут, то считай, что ты тоже уволен по оч-чень нехорошей статье без месячной премии. Завтра на рассвете с собаками прошерстить весь участок. Да и вообще – хоть на край света за ним! Мне скандалы по району и области ни к чему.

Зови и вслушивайся

– Где Кичи? – спросил Нарвас Чика, когда суматоха улеглась.

– Разве ты не помнишь? Она успела добежать до посадки и в колючий кустарник нырнула, как ты меня когда-то учил.

– Не помню, – сказал Нарвас виновато. Я ничего не помню из того, что случилось с нами в тот день. В голове словно клин забитый.

– Они пришли под утро, когда мы легли уже спать. Петлёй вытянули тебя из норы и ударили чем-то тяжёлым по голове. Затем вытянули и меня. Кичи выскочила с другой стороны норы, которую она вырыла на всякий непредвиденный случай. Они кинулись было за ней, но посадка от норы недалеко, а там под колючим кустарником вырыта ещё нора. Но ты ведь знаешь! Мы хотели накануне туда перебраться.

– Я ничего не помню. Впрочем... – Нарвас с облегчением перевёл дух, – всё не так уж плохо. Кичи цела. А то уж я подумал...

М-да... Так! А вот сейчас... сейчас нам с тобой придётся позаботиться о собственном спасении. Перед нами забор, и, если мы к утру не выберемся отсюда, то собаки нас сожрут. В этом будь уверен. Какие будут соображения?

Морда Чика омрачилась.

– Нам его не перепрыгнуть.

– Эх, ты, глупыш! Вспомни последние свои слова.

– Какие слова?

– Ну, те, которые ты перед этим говорил?

– А какое они имеют отношение к...

– Вспомни последние свои слова, – настоятельно повторил Нарвас.

– ...Под колючим кустарником вырыта ещё нора. Но ты ведь знаешь! Мы хотели накануне туда перебраться... – так, кажется, я сказал?

– Никогда не сомневайся в том, что ты говоришь. Ты не так глуп, как хочешь казаться, особенно тогда, когда потрудишься заметить это.

– Значит, мы знаем ответ до того, как возник вопрос?

– Конечно! Вопрос возникает тогда, когда завершаются наши действия. А действия свои надо запоминать по той причине, что они уже есть. Мы же проговариваем ответ, вовсе не задумываясь о том, что он явился отражением нашего прежнего образа жизни. Эту логику надо заметить.

– Логика, это когда мы что-то примечаем?

– Не совсем верно, скорее наоборот. Я бы сказал, что из примечаний вырастает план действий. А логика нужна для того, чтобы додуматься примечать. Когда мы наблюдаем, то повторяем движения тех, кто пытается с нами общаться. Другими словами, смотрим в себя.

– Копируем?

– Ну, где-то так.

– Нора под колючим кустарником. Значит, надо сделать подкоп под забором... Ты ведь знаешь! Действительно здорово! В самом деле – ответ! Я знаю! Мы переберёмся, мы будем на свободе!

– А для этого надо приготовить свои когти.

Но не всё оказалось так просто. Едва Нарвас с Чиком взялись рыть нору под стеной, как жуткое разочарование омрачило их: где бы они ни копнули, под стеной был фундамент из камня глубиной «аж до центра земли».

– Здесь один сплошной камень, папа! – Чик едва не заплакал от обиды. Тихо поскуливая, он осматривал свои натруженные лапы. – Мы никогда отсюда не выберемся.

Файзы снисходительно на него посмотрел. Он-то знал ответ, едва опробовал когтями цементный раствор у основания забора.

– Ты помнишь, что я тебе говорил не так, кстати, давно? Я говорил, что лис всегда отличается умом в силу того, что у него слабые лапы и он мал ростом. Я говорил: «У лиса мало сил, чтобы удрать, лис не может одолеть оленя в голодную пору – зубы слабые, но он может условия, которые работают против него, выставить как оружие собственной силы».

– Помню, – ответил обречённо Чик.

– А ещё я говорил, что лис убегает от того, кто преследует его. В этом его золотое правило. Убегает самой короткой дорогой.

А теперь осмотришься вокруг. Мы обошли почти половину зверинца в поисках мягкой почвы, которую можно было бы рыть. Я дал тебе такую возможность в этом убедиться. Но, если мы и дальше будем заняты поисками, то через два часа наступит рассвет и тогда собаки нами полакомятся. Почему? Мы ходим вдоль забора, но не заняты дорогой. Чем тогда мы отличаемся от человека, охраняющего сетку? Человек этот нам в напоминание, он ответ на наш вопрос, потому что работает не по правилам. И мы должны эту методику копировать: рыть там, что поддаётся разрушению. Другими словами, мы должны рыть не по правилам. Так стоит ли искать, если мы не успеем найти? Мы должны забор рассмотреть как дорогу. Другими словами, где самая короткая «дорога» у этого зверинца, кто принимает грязевые ванны?

– Дикае кабаны в загоне...

– Вот они-то нам и помогут. Это и есть наш самый короткий путь. А «когти», как ты понимаешь, «растут» не у тебя, а у тех, кто этим делом занимается.

– Дикае кабаны?

– Они самые.

– Тогда «да», тогда они нам должны помочь.

Без труда пробравшись в загон, Нарвас с Чиком легко прорыли туннель под забором и оказались в спящем городе. Скорей, скорей отсюда по наклонной в овраг к берегу речки, а там видно будет, что следует предпринимать.

Избавившись от одной проблемы, Файзы с Чиком понимали, что решения задачи пока нет. Город с его лицемерными людьми был во всём враждебен им так же, как и зоопарк с его охранниками. Отличие было лишь в том, что в зоопарке противоречия были ярче и было понятно, чего нужно было бояться, а чего нет.

Смыв в речке всю скопившуюся в зверинце грязь, Файзы первым делом принялся думать о том, как раздобыть завтрак. Недолго думая, он с Чиком быстро наловил мышей-полёвок и, насытившись таким образом, стал планировать свои действия. Огни девятиэтажек в каком-нибудь километре от них словно напоминали им, какую проблему они должны были во что бы то ни стало решить.

– У нас есть два варианта: первый – отдаться в руки людям, которые захотят нас приютить. Что из этого получится, ясно из того, что нам довелось испытать в зверинце: мы разделим участь чужих проблем; и вариант второй – рассмотреть город как дорогу, которая покажет путь к нашему дому.

– Город? А что такое «город»? Ты же в городе никогда не был!

– Это норы, много нор, и эти норы стоят одна на другой, как этот большой дом. Видишь, – и показал на девятиэтажку.

– Норы покажут путь к маме?! Это было бы здорово! А разве такое возможно?

– Ты просто не пробовал так думать. Ведь путь к освобождению в зверинце мы нашли! Нашли! Мы перестали искать, мы рассмотрели зоопарк как дорогу на волю, найдя слабое место в заборе через загон диких кабанов. Другими словами, рассмотрели зоопарк как нору, у которой есть запасной выход.

– А город? Разве он подскажет нам, где найти маму?

– Мы найдём твою маму, – утвердительно сказал Файзы, – во что бы то ни стало. Надо только прислушаться. Мы её тихо позовём. Ведь город, как и зоопарк, это и есть помеха, которая укажет нам путь.

– Как? – удивился Чик.

– Зови и затем вслушивайся. Когда мы сегодня ловили полёвок, то что делали? Мы слушали шорох.

– Ну, да-а, слушали шорох... Не хочешь ли ты сказать, что я услышу шорох мамы на сотни тысяч километров?

– А почему нет?! Кто сказал, что это невозможно?! Надо послушать себя, а для этого нужно городить.

– Это как?

– Ушки наставлять.

– Как?

– Попытаюсь объяснить. «Городить» и «огораживаться» – разные понятия, хотя имеют один корень. К примеру, когда идёт охота на полёвку, то ты городишь, ушки наставляешь. А мышка что делает?

– Огораживается.

– Верно. «Город» – это всегда движение. Чем больше движения, тем больше города, то есть шумов всяких. Поэтому «городить» – значит «двигаться», различать шумы, а «огораживаться» – значит «останавливаться». Поэтому город нужно воспринимать как ограждение. Останавливаться же всегда важно? Но не по чужой, а по своей воле. Другими словами – нужно выделить остановку в этом движении. Почему?

– Чтобы не быть ограждённым.

– Верно! Ты маскируешься. Маскируешься ты, и маскируется она...

– Кто?

– Мышка, кто ж ещё! Маскируешься с тою только разницей, что ты слушаешь ветер, а она запрещает себе это чувство: она думает об укрытии, и значит, не двигается. И тогда города у неё мало, мало возможностей, которыми бы она пользовалась. Ветер что-то приносит: разные звуки, к примеру, или запахи. Ты имеешь представление о ветре, ты знаешь направления, в которые он может дуть, а она нет: она выставляет себе крепость – огораживается. Ветер может ей навредить, потому что выдаст её запах, и по этому запаху ты можешь её обнаружить. В крепости же всегда проще: не надо тревожиться... Поэтому город, это напоминание о том, как избежать задержки во время пути, как перестать себе запрещать...

...Близился рассвет. Лапы от напряжения гудели, и тело просило отдыха после изнурительного дня, но Нарвас решил не тратить время зря на отдых. Он дал команду трогаться в путь, чтобы к началу светового дня отдохнуть в тени ближайшей посадки, где находились загородные поля. Решено было держать направление вдоль склона безымянной речки, чтобы как можно меньше привлекать к себе внимание. В стороне от них одиноко стоял жилой пятиэтажный дом. Асфальтированная дорога вела прямо к фасадной части этого строения. Нарвас, недолго думая, свернул с Чиком в сторону дома – у него ещё оставалось верных полчаса в запасе.

– Посмотри на этот громадный дом, где живут люди, и ты поймёшь, о чём я говорю, – проговорил он. Чик недоумённо на него посмотрел.

– Обрати внимание на стены, – сказал Нарвас наставительно.

Как бы оценивая степень прочности шлакобетонного основания, старый лис упёрся своим носом в шероховатую поверхность блока, а затем легонько провёл по этой поверхности своим носом.

– Стена – это остановка в пути.

– Это как?

– Для тебя остановка как выделение внимания. Для жертвы стена как укорочение памяти. Чем толще стены, тем меньше опасений быть застигнутым врасплох. Они боятся! – проговорил он. – Люди боятся, потому что беззащитны и очень уязвимы. Мышь или человек – нет разницы. Когда есть стены, то нет необходимости напрягать свой слух. И значит, преимущество твоё в том и состоит, что когда ты слушаешь ветер, то повторяешь каждое движение мыши. Ты копируешь, становишься как она, становишься ветром. Стена – тебе в напоминание. Это уже ответ, где запасной выход твоей «норы». Это должно быть тобой примечено.

Чик, стоя рядом с Нарвасом, тоже уперся носом в стену.

– Я хочу стать таким же сильным и умным, как ты, папа! – и словно в подтверждение своих слов так же осторожно и легко провёл носом по поверхности шероховатого блока.

– Конечно, сын, ты будешь таким же сильным и умным, но не как я. Ты будешь таким же, но... другим. Может, даже лучше! – и лизнул его в мордочку. – Так вот, когда ты слушаешь, тогда только тебе отвечают. Ты думаешь, как бы я нашёл пищу в курятнике, если бы люди их, кур этих, не городили? Крестьяне опасаются, создают всяческие помехи, а я слышу их шум, слышу их страх.

Так вот, когда ты слушал полёвок, то тоже городил, был занят охотой. А когда городил, то о чём думал?

– Я думал о том, чтобы меня не заметили.

– Мы тоже сейчас городим. Город – это помеха, это всегда запрет. Преимущество же наше в том и состоит, что мы можем просчитать тех, кто нас преследует, и вовремя занять нужную нам игровую позицию. Мы себе не запрещаем, у нас нет помех. Впрочем, разве Кичи сейчас не охотится? Может быть, она нас сейчас и слышит...

– Папа, мы проходим боевое крещение? – Чика осенила догадка.

– Можно и так сказать, но я бы по-другому всё сформулировал: мы путешествуем, и, слава богу, путешествие наше не закончилось пока трагически.

– И значит, мы победили в этом нашем, как ты сказал, «путешествии»?

– Нет, просто мы ушли от поражения... пока.

Нарвас тревожно оглянулся, потому что безопасность прежде всего. Главное – не попасть в поле зрения людей. Он дал знак, и они с Чиком потрусили по асфальтовой дороге к камышовым зарослям речки-безымянки. И уже на ходу Нарвас подвёл итог своему уроку, пытаясь ёмко формулировать каждое своё слово.

– Тебе нужно запомнить основное правило поиска. Запоминай!

Когда ты слушаешь, то тебе мешают, т.е. создают помехи. Это всегда происходит. Значит, тебе намекают. Поэтому нужно слушать помехи внутри себя, чтобы понять, какая преграда ожидает тебя впереди. Для охотника помеха и есть сигнал верного направления.

Наши враги – наши проводники

Берег речки был сплошь в зарослях камыша. Нарвас бежал с Чиком, низко пригнув голову, тем особым охотничьим шагом лиса, делающим его неприметным и быстрым в полевых условиях. Чик же во всём ему подражал. Когда же камыш заканчивался, то он переходил в зону небольшого кустарника, и тогда они бежали вдоль этого кустарника, сливаясь с окружающим ландшафтом. «Это хорошо, – думал Нарвас. – Файзы дорогу найдёт, надо только слушать шум. Хорошо, что сейчас не зима, а лето. С голоду не помрёшь, если даже захочешь.» И поймал на ходу стрекозу.

Бежали только ночью. Во-первых, так легче было ориентироваться. «Шум», который издавала Кичи, становился всё отчётливей и отчётливей. А во-вторых, не было заклятых врагов Нарваса – людей. Отдыхали, как правило, днём. «Компас» Нарваса работал безукоризненно чётко: он показывал всё время на север. Там находилась его Кичи, там находился его дом.

Один раз непредвиденное обстоятельство всё же случилось во время его маршрута: когда Нарвас с Чиком бежали в черте какого-то большого города, то оба услышали плач человеческого ребёнка. Нарвас сразу понял, что дитя потерялось и зовёт свою маму. Он остановился. Не в его правилах было вмешиваться в человеческие игры, но случилось несчастье, а он не мог оставаться к этому безучастным. Он осмотрелся. Никого. Файзы подошёл к ребёнку, и тот сразу успокоился. Совсем ещё малыш! Слёзы его высохли, и он стал забавляться пушистым рыжим хвостом лиса.

Файзы настроился на шум и сразу понял, где находятся его родители. Там, наверху каменного утёса, гудела пьяная компания с безутешно рыдающей матерью, обнаружившей свою пропажу. Он подумал: «Малыш... в кустах. Это непорядок». Приказав Чикку оставаться на месте, Файзы подлез под малыша с намерением оттащить его к компании, но сразу понял, что ноша чересчур тяжела. И, оставив эту свою затею, он решил воспользоваться правилом «помехи». Малыш уже успел вцепиться в его загривок и, похоже, ни за что не хотел его отпустить. Тогда лис, лизнув его в лицо, ловким движением освободился от его объятий.

Итак, правило «помехи» гласит, что препятствие устраняется, когда слушаешь помехи внутри себя. Когда слушаешь, тогда понимаешь, какая преграда ожидает тебя впереди. Важно обнаружить или, во всяком случае, создать эту помеху, а затем обратить внимание других на её появление. А потому Нарвас побежал прямо к людям. Он нарушил все свои правила и, похоже, тем самым создал ещё одно вопреки всему, чем так дорожил. Создание помехи предполагало не скрытую, а открытую игру.

...Нарвас выбежал в самый круг компании и, покрутившись возле костра, сел прямо возле раскладного столика, где, собственно, люди и располагались. Немая сцена удивления длилась минуты три. Изрядно выпившие парни разом заикали, а девушки миглом протрезвели, пытаясь понять, что всё это значит. Они никак не могли понять, как здесь, в черте большого города, мог появиться этот ярко-рыжий лис.

– Смотрите-ка, лиса! – неожиданно для себя оповестил всех присутствующих один из участников банкета. – И она тоже хочет с нами выпить, – сказал и громко икнул. – Или у меня глюк перед глазами? А?

На его вопрос никто не ответил, и шутку его также никто не поддержал. Такого сюрприза они явно не ожидали. Даже безутешно рыдающая мать на минуту забыла о своём горе и в безотчётном порыве встала, чтобы приблизиться к лису. Тогда Нарвас тоже встал и отошёл на пару метров от неё. Женщина сделала ещё пару шагов к нему, и снова он от неё отошёл, словно приглашая за собой. И тут что-то ей подсказало, словно шепнуло на ухо, что не зря появился здесь этот лис и что ей нужно идти в том направлении, куда он отступает. Она что-то

взволнованно сказала своим друзьям, те подскочили со своих мест и, взяв фонарик, побежали за лисом, который уводил их в заросли кустарника, где и находился малыш.

...Пятые сутки пути основательно измотали Нарваса и Чика. Речка давно ушла в сторону, однако старый мудрый лис помнил о своём «компасе», который его никогда не подводил: он слушал шум. Где-то там, далеко, оставались железнодорожные пути, поля, селения, небольшие города, болота и маленькие речки, а Нарвас с Чиком всё бежали и бежали на один только им известный шум, на который кто-либо другой просто бы не обратил никакого внимания. Поздним вечером начинался их марафон и прекращался лишь ранним утром, а за день, укрываясь от навязчивых глаз людей, они могли хорошенько отдохнуть где-либо в тени какой-нибудь посадки, предварительно хорошо набив свои желудки.

– Смотри, Чик, этого могло бы и не быть. Никогда прежде мы с тобой так долго не путешествовали. И сколько всего нового мы с тобой узнали.

– Даже ты?

– Даже я! Наши враги – это наши проводники. Враг только тогда существует, когда ты не слышишь зова.

– Зова?

– Представь себе – да, зова! Разве ты можешь освободиться от вшей, которые время от времени не дают тебе спокойно уснуть? Вши эти напоминают тебе, что у тебя должен быть зов. Вот если бы не они, то как бы ты догадался, что нужно хоть изредка, но всё же ополаскиваться в речке или тереться об острый выступ камня, делая себе массаж?! Эта необходимость и есть зов.

Если бы не наши «друзья», продавшие нас в зоопарк, то как бы мы научились ценить жизнь, к которой сейчас так стремимся?! Вот и получается, что лис всегда убегает только самой короткой дорогой. В этом его сила.

Завтра на рассвете, если ничего не случится, мы сможем достичь нашего родного поля, а там и встреча с Кичи, твоей матерью. Но как ты планируешь своё время использовать дальше?

– Не знаю.

– А я предлагаю сменить обстановку. Судьбу дважды нельзя испытывать. Если снова заметят нас на нашем поле, то наверняка убьют, а я ещё не нашёл способ воскрешать мёртвых.

Встреча с Кичи была радостной, бурной. Чик взахлёб рассказывал ей, как они с Файзы удирали из зоопарка, а Файзы в это время смешно кривлялся и говорил, что во всём это заслуга Чика. Кичи не могла насмотреться на их обоих, мало веря своим глазам, что видит их живыми и невредимыми.

Их новая нора под колючим кустарником в посадке соответствовала всем требованиям безопасности, и всё же Файзы предложил Кичи сменить жилище.

– Мы не можем здесь больше оставаться по той простой причине, что если нас ещё раз увидят наши «друзья» в фуфайках, то вряд ли они отпустят нас живыми.

На что Кичи, конечно же, согласилась. Для неё чудом было то, что они вернулись оттуда, откуда обычно не возвращаются.

– Не исключено, что зоопарк уже заявил о своей пропаже, – продолжал Файзы – и, возможно, уже завтра могут вестись поисковые работы.

– Вчера я наблюдала, как люди в маскхалатах бродили по полю и что-то высматривали. Прошлись даже рядом с нашим кустарником. Их было много. Раньше я такого никогда не наблюдала.

– Это они!

– Кто?

– Люди, которые охраняют сетку. Надо собираться немедленно, потому что завтра может быть уже поздно.

– Путешествие продолжается? – взвизгнул радостно Чик.

– Да, сынок! Мы уйдём туда, где нас никто не знает.

- Самой короткой дорогой?
- Самой короткой дорогой!

Глава 2. Охота «рыжей бестии»

Сборы оказались недолгими, и рано на рассвете семейство лис покинуло своё логово. И, надо сказать, вовремя, потому что двумя часами позже прибыли люди в маскхалатах из зоопарка на этот раз со специально обученными собаками. Они приезжали и в прошлый день, тогда, когда Кичи наблюдала их возле своего логова, но собак в тот раз с ними не было. Едва выйдя на поле, собаки тотчас бросились в посадку к колючему кустарнику и, окружив его, стали злобно рычать. Кустарник окружили так же и люди с капроновой сеткой на изготовке. В поимке «рыжей бестии», как прозвали заочно Нарваса, участвовали так же и «друзья в фуфайках» из дома, что находился на краю села. Тщетно Маланья отговаривала своих сыновей не идти на этот промысел. Те её просто не послушались.

На середину вышел высокий человек в маскхалате с палкой в руке, и его короткие усы нервно дёрнулись. Набрав в лёгкие побольше воздуха, он крикнул в кустарник предполагаемым лисам так, как будто они могли понимать человеческий язык.

– Ну, маленькие твари, выползайте сюда по одному, – и ударил палкой по голенищу своего сапога. – Мне вовсе не хочется из-за вас терять свою работу из-за увольнения по оч-ч-чень нехорошей статье. Да и к тому же, – добавил он в сторону, – порядок должен быть восстановлен. Ну! Я жду! – крикнул он что есть силы.

В ответ, как и следовало бы ожидать, он услышал отголосок собственного эха, идущего с каменного утёса, что находился в стороне от него с другой стороны поля:

– Жду, жду, жду-у-у, – эхо растворилось в чащобе деревьев горного массива. Конечно же, никакого движения в кустарнике не происходило.

– Ах, так! Ну ладно! Сами же вы и определили свою участь, – заключил он свою речь и приказал своим сослуживцам, а также добровольцам деревенской дружины обнести колючий кустарник огненным кольцом. Вмиг была опустошена канистра с соляровкой. Зажжённая спичка сделала затем своё дело, и огромный рыжий язык пламени, исторгая чёрные клубы дыма, вырвался на волю.

Едва эхо достигло горного массива, Файзы остановился. Чик и Кичи также приостановили свой бег.

– А вот и люди, которые... – тут он понюхал воздух, – работают на оч-ч-чень нехорошую статью. Они пришли сюда определять свою участь, – сказал так, словно только что слышал последние слова охранника.

– А почему они работают на очень нехорошую статью, папа?

– Потому что боятся её заполучить и потому идут на условия, от которых зависят. А значит, иначе не могут. Им «стены» мешают.

– А это как-то связано с их участью? – Чик смешно наклонил голову.

– Конечно! Когда боятся, то порядок свой наводят, а можно сказать, распространяют собственный страх.

– Сетку устанавливают?

– Можно и так сказать: они сетку пришли устанавливать, чтобы затем её же охранять. Только того не понимают, что от своей же сетки погибель могут найти.

– А как ты это знаешь?

– Как я знаю это? Смотри во-о-о-н туда! – Нарвас показал на чёрные клубы дыма. – Разве сам ты этого не видишь? Они боятся, «прижимают» свои «ушки», и лес вокруг горит, а там, в этом лесу, наш дом. Это и есть работа на статью. Этим для них всё и закончится.

– Чёрными клубами?

–Ну, в общем, так. Это ответ на их же действия. Помнишь ли ты правила, которые мы с тобой проходили? Я говорил, что вопрос возникает тогда, когда завершаются наши действия. А действия свои надо запоминать по той причине, что они уже есть.

– ...Мы же проговариваем ответ, вовсе не задумываясь о том, что он явился отражением нашего прежнего образа жизни, – продолжил за него Чик. – Но всё же, как применить это правило в данном случае?

– Терпение, мой сын! Я покажу это тебе на примере.

– А какие будут наши действия? – с тревогой спросила Кичи.

– Путешествовать, дорогая, только... – он прислушался. До его слуха вдруг отчётливо донёлся нетерпеливый лай собак, высматривающих добычу в чёрном облаке, – только тебе придётся идти одной в Долину Узкого Ручья и ожидать нас там. Неплохо было бы, если б ты уже подыскала тёплую нору к нашему приходу, а я с Чиком поиграю в салочки с нашими «друзьями». Время охоты начинается.

Время охоты

Человек в форме маскхалата стоял в огненном кольце у кустарника и постукивал палкой по голенищу своего сапога. Он ждал, что вот-вот из объятого пламенем кустарника выбежит Нарвас со своим семейством, и предвкушал встречу с собственным начальством, когда вместо двух лис представит трёх. Лисица – это достойный трофей, а тем более семейство, от которого можно ожидать наследников.

Но время проходило. Никто не собирался выскакать из-под догорающего куста. Сытое и довольное лицо охранника всё более омрачалось. Как же так! Неужели продавец Нарваса ввёл его в заблуждение? Ведь это он позвонил в зоопарк и сообщил, что видел в бинокль лиса со щенком да к тому ж и сучку в придачу. Не прошло и двух часов, как он с боевой командой своих сотрудников в сопровождении выученных собак примчался на служебном автобусе во двор, что на краю села, и вместе с осведомителем направился прямо в лисье логово. Правда, его смутило, что во дворе этого дома встретила его очень неприятного вида пожилая женщина и сказала, что проклятье нависнет над ним и всей его группой. «У, старая ведьма!» – подумал человек в форме маскхалата, не подозревая о том, насколько близок он был к истине. Он всё ещё слышал её слова: «Они возродились, возродились! Проклятье упадёт на нашу голову. В посадке лисий прах. Не приведи господи нарушить вам его! Если вы слушаетесь меня, то вас всех ждёт погибель! Уезжайте отсюда! Иначе вам не поможет даже дух Маланьи». Эти безумные слова произнесены были столь убедительно, что мелкие иголки стали покалывать его спину.

«Не могли они так быстро улизнуть, не могли!» – между тем думал Федор скорее с суевренным страхом, чем с трезвым расчётом, пытаясь отвлечь себя от неприятных мыслей. «Но, с другой стороны, какая выгода была ему, осведомителю этому, гордиться чушь!? А может, он, как и его мать, немного не в себе? Однако, с другой стороны, это в его интересах было избавиться от паразита, воровавшего его кур. Полный бардак! Я б их всех с их лисьим прахом...» Охранник тяжёлым взглядом посмотрел на крестьянина, напряженно постукивая дубинкой по сапогу, отчего тот побледнел, понимая без слов настроение служителя порядка.

И тут одна из собак, явно что-то унюхав, стала рыть, повизгивая, что-то под кустом. Фёдор бросил ленивый взгляд на неё и увидел, что она вместе с землёй стала выбрасывать из ямы что-то жёлтое, по виду напоминавшее форму кости, а потом зубами вытащила из земли алюминиевую кастрюлю. Сразу вспомнилось старухино предостережение, и его невольно переёрнуло. Другая собака в это время звонко залаяла, показывая всем своим видом, что знает, куда направилось семейство. Затем стремглав бросилась в заданном направлении, уводя за собой и остальную стаю. Таким образом, охранники, изменив своему профилю насиловать жертву, единым порывом увлечены были охотой за ускользящей, но всё ещё, как им казалось, вполне достижимой мишенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.